

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**СБОРНИК
МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ
им. В.М. ФЛОРИНСКОГО**

Вып. 1

**КУЛЬТУРЫ И НАРОДЫ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В КОНТЕКСТЕ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО
ИЗУЧЕНИЯ**

**ТОМСК
2005**

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ СИБИРИ, ЭТНОГРАФИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ*

В.М. Кулемзин

г. Томск

Судьбы коренных народов Сибири составляют неотъемлемую часть истории России, однако исследователи всё-таки выделяют несколько этапов в истории отношений государства и коренных народов. Несмотря на дискуссионность постановки самой проблемы, а также выделяемых критериев периодизации, интерес к теме не исчезает, хотя он и не является постоянным. Надежды на паритетные взаимоотношения этноса и власти сменяются разочарованием, и, наоборот, разочарование сменяется оптимистическими ожиданиями. Этнографы в связи с этим то отстраняются от решения больших и сложных задач, то привлекаются, и тогда их деятельность активизируется.

Самый ранний период в цепи взаимоотношений государство – коренные народы Сибири приходится на XVII в., когда государство не вмешивалось во внутреннюю жизнь аборигенов, ограничиваясь получением ясака. В миссионерах не было необходимости, а этнографов как таковых вообще не существовало. Этот период С.В. Бахрушин называл эгоистичной, но мудрой политикой государства.

С 20-х гг. XVIII в. начинается процесс, направленный на включение коренных народов в политическую, экономическую, мировоззренческую структуру России. Формируется система косвенного управления, представляющая собой совмещение традиционных форм социального устройства и государственно-административных. Постепенно, но неуклонно роль традиционных форм сокращается, хотя семья и род продолжают сохраняться. Начало массовой христианизации ведёт к вмешательству в семейно-брачные отношения, с ним связывают разрешение на расторжение браков, заключённых по обычному праву, и предпочтение смешанным бракам, а также разрешение покидать свой род и переходить в чужой.

Манифест Екатерины Великой, изданный в 1763 г., оказал некоторое противодействие общему процессу разрушения традиционных норм социальной жизни.

Христианизация была направлена на нейтрализацию природоохраняющих языческих принципов, предполагающих всевозможные ограничения в сфере отношений человек – природа. Носителям производящей формы хозяйства, каковыми являлись русские, нужны были сенокосные угодья, пашни, мельницы, дороги. Языческое мировоззрение оказалось невостребованным. Его нейтрализация осуществлялась лишь административными мерами.

Представители исторической географии, как тогда называлась этнография, были особенно востребованы в период подготовки и осуществления комплексных академических экспедиций (начало Великой Северной экспедиции относится к 1739 г.). Так,

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 01-01-00302а.

Г.Ф. Миллер уточнил и расширил составленную ранее В.Н. Татищевым программу по сбору этнографических сведений. Несколько ранее, в 1719 г., была развёрнута первая экспозиция Кунсткамеры.

В науке не без основания 40–70-е гг. XVIII в. считают периодом расцвета этнографии как самостоятельной науки. Тогда в её русле работали такие корифеи, как М.В. Ломоносов, С.П. Крашенинников, П.С. Паллас, П.И. Рычков, И.И. Лепёхин и др. С созданием Русского географического общества в 1845 г., куда входило этнографическое отделение, связано не только изучение отдельных коренных народов, но и славян. Этому способствовало существование самостоятельного крыла в РГО, так называемых «Молодых сил».

Интенсивно, особенно в начале XIX в., развивается краеведческая работа. Это связано с совершенствованием картографии и геодезии, необходимостью более чёткого очерчивания границ расселения народов. На прежних картах встречались лишь расплывчатые обозначения: «Земля киргизская», «Земля тунгусская».

В конце XIX в. заметно обогащаются коллекции многих музеев, в том числе Кунсткамеры, куда поступают предметы от Н.Н. Миклухо-Маклая, томского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти и др. Обогащаются и региональные музеи, открывавшиеся и находившиеся под покровительством Русского географического общества.

Начало XX в. в этнографической науке связано с именами Л.Я. Штернберга, В.Г. Богораза, Д.И. Анучина, В.В. Радлова, В.К. Арсеньева, Г.Н. Потанина, Е.Г. Кагарова, С.М. Широкогорова, Н. Харузина, Д.К. Зеленина и др. Им предстояло выработать в этнографической науке новое марксистское методологическое направление, т.е. преодолеть основное «заблуждение» – эволюционное понимание общественно-исторического процесса – и подчинить все выводы формационному подходу.

В первые годы советской власти возникла острая необходимость в этнографах, демографах, этнокартографах: нужны были знания для приведения административного районирования в соответствии с этнической структурой населения. Здесь как никогда сыграло свою роль то обстоятельство, что русская этнография всегда была свободна от всякого влияния расистских школ, течений, направлений Запада. Таким образом, речь шла о необходимости практического использования тех знаний, которые были накоплены российской этнографической школой. Багаж этих знания нашёл применение в 1920-х и начале 1930-х гг., особенно в период работы Комитета содействия народам Севера, образование которого относится к 1925 г. Активная работа Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ в указанный период – ещё одно подтверждение актуализации этнографических знаний.

Возвращаясь к прошлому, т.е. ко второй половине XVIII и XIX вв., мы с сожалением отмечаем, что государственная власть либо прибегала к использованию этнографического наследия сугубо в корыстных целях, либо обходилась без него. Примеров здесь достаточно, и все они свидетельствуют об открытом русификаторском курсе, в основе которого лежит идея соединения административной и судебной власти. Вот некоторые вехи этого курса:

– изъятие криминальных (уголовных) дел из ведения родовых властей и передача их земской власти;

- введение судопроизводства по инстанциям в зависимости от категории населения: бродячее, кочующее, оседлое (1822 г.);
- разрешение перехода из рода в род (1858 г.);
- учреждение волостей русского типа (1858 г.);
- разрешение проведения земельных сделок с иноверцами (1861 г.);
- учреждение колониального фонда для русских (1861 г.);
- проведение землеустроительных работ на территории проживания инородцев по тем же правилам, что и для русских крестьян (1873 г.);
- учреждение суда мировых судей для контроля за судопроизводством (1896 г.);
- распространение на коренное население, за исключением бродячих, паспортной системы, т.е. определение для них места жительства;
- замена ясака государственным оброком и поземельной податью (1898 г.);
- утверждение Временного положения о крестьянских начальниках, согласно которому крестьянские начальники осуществляли контроль за всем инородческим управлением, включая суд (1898 г.);
- проведение землеустроительных работ в связи с массовым переселенческим движением в Сибирь (1906 г.);
- отмена положения, согласно которому переход из разряда кочевых и бродячих в оседлые мог осуществляться только во время ревизий, т.е. переписей (1909 г.);
- разрешение включения инородческих сельских обществ в русские волости (1910 г.);
- завершение перевода инородцев в разряд оседлых, в связи с чем в волостях со смешанным населением должность помощника волостного старшины и половина мест в волостном суде оставались за русскими (1914 г.).

Царское правительство способствовало тому, чтобы термин «Сибирь», обозначающий отдельную страну со специфическими особенностями, всё реже фигурировал в документах, на географических и административных картах. Термин заменяется словосочетанием «Азиатская Россия».

К 1917 г. за коренным населением оставалась одна льгота – освобождение от отбывания воинской повинности, которая была отменена в период Великой Отечественной войны (1941 г.).

Революция 1917 г. поставила вопрос о правах наций, народностей, областей России. Это и есть объективные предпосылки возникновения областничества как общественно-политического течения, или, выражаясь языком Г.Н. Потанина, союза партий. Основной задачей областников было стремление ликвидировать колониальное положение Сибири и установить отношения центра и периферии на принципах паритета, тем самым патерналистские отношения должны были уступить место отношениям партнерства.

Именно по причине, предполагающей вмешательство представителей общественности в дела государственной власти, предложения областников в своё время оказались невостребованными. Впрочем, в истории отношений государство – коренные народы это не первый случай: многие положения М.М. Сперанского, направленные на смягчение жёсткого диктата центра, также оказались невостребованными.

Теперь логично перейти к Комитету содействия народностям северных окраин, его энергичной деятельности. Благодаря, хотя и кратковременной, поддержке центральной власти, а также развернувшемуся музееведческому и краеведческому движениям, КОМСОД сделал очень много в области развития просвещения, образования, здравоохранения, защиты прав коренных народов Сибири. Благодаря наличию в его составе этнографов и в особенности тому, что Комитет Севера сам представлял собой ветвь центральной власти (он был образован при президиуме ВЦИК), его лидеры выступали за постепенное осуществление всех преобразований с обязательным учётом местных особенностей, форм собственности, традиций. Интересы народов учитывались и при хозяйственно-промышленном освоении Севера. Однако в 1935 г. КОМСОД был упразднён, позднее многие его члены репрессированы.

Функции Комитета перешли к так называемому Главсевморпути, который с ними явно не справлялся. Фактически основные экономические преобразования в советский исторический период: коллективизация, укрупнение селений, реорганизация колхозов в совхозы и коопзверопромхозы, индустриализация, осуществлялись без участия соответствующих компетентных органов. В связи с этим в общей политике государства акцент с коренных народов был смещён в сторону национальных окраин, а затем – экономического развития отдельных районов Сибири и Севера. Не случайно вплоть до недавнего времени ответственность за состояние коренных народов в Томской области была возложена на орган, который своим названием этого никак не отражал: отдел по социально-экономическому развитию районов Севера. Начальником отдела был В.Г. Балдин, бывший секретарь Асиновского городского комитета партии. После упразднения этого отдела, причём далеко не сразу, в 2001 г., при областной администрации были созданы комитет по информационной политике и отдел по работе с национальностями со штатом в один-два человека. Однако специалисты-этнографы имеют к нему лишь косвенное отношение.

Несколько лучше дело обстоит в автономных образованиях, например в Тюменской области. Если в Томской области в конце 1980 – начале 90-х гг. общественность при поддержке этнографов не смогла отстоять от промышленного освоения Талово-Игольское урочище с естественным бобровым заповедником, то в Тюменской отдельные участки территории всё-таки удалось сохранить в неприкосновенности. Удалось это в том числе и благодаря поддержке этнографов, выросших на Тюменской земле и являющихся представителями хантыйского и ненецкого этносов. При их непосредственном участии и содействии были основаны ассоциации «Ямал – потомкам», «Возрождение Югры», «Колта-куп». Достигнутые результаты дались ассоциациям ценой величайшего труда; региональная пресса и центральные журналы – «Северные просторы», «Арктика», «Стерх» и др. – дают наглядное представление о тяжбе коренных народов с государством, противодействии его экономической политике. О сложном пути вхождения коренных народов в рыночные отношения и о степени готовности народов к этому переходу в 1996 г. было издано специальное исследование новосибирских социологов В.В. Мархинина и И.В. Удаловой (Мархинин, Удалова, 1996). В книге речь идёт о ещё сохранившихся принципах общинных отношений, базирующихся на взаимном дове-

рии, отсутствии чувства лидерства и конкуренции в среде коренных народов. Книга осталась незамеченной властными структурами и не оказала никакого влияния на ход реформ, поскольку изложенные в ней материалы не соответствовали государственной политике перехода к рыночным отношениям.

Я обратился к прошлому, чтобы показать, что этнографы, этнографическая наука во все времена были готовы ответить на запросы государственной власти, но востребованы были далеко не всегда. Российскому государству это обходилось и обходится сейчас чрезвычайно дорого. Вот что пишет Э. Вигет, профессор университета штата Нью-Мексико (США), уже несколько лет изучающий экономику и традиционное природопользование восточных хантов: «Зачастую люди, формирующие политику экономического развития регионов, делают допущения, основанные на некорректных обобщениях в отношении моделей землепользования. Для Западной Сибири такая практика стала особенно разрушительной с 1970-х гг., когда началась промышленная добыча нефти, масштабы которой очевидны: 80% всей российской нефти добывается в этом регионе и здесь же происходит более 3 тыс. разрывов трубопроводов в год» (Вигет, 2002: 169).

В заключительной части своей большой обзорной статьи автор говорит: «Результатом промышленного развития в регионе является то, что после многовековой жизни в тайге общины восточных хантов оказались разорены и опустошены, а культурные формации, которые сохранились более или менее в своём традиционном виде в течение всего периода доминирования русской империи и первых трех десятилетий советского режима, претерпели существенные изменения. Сегодня фактически не существует традиционных больших родовых хантыйских поселений на реках Вах, Аган, Салым и Васюган, хотя ещё двадцать лет назад эти территории были населены коренными жителями, сохранявшими традиционный уклад и формы хозяйствования.

Последствия самоочевидны. Имея перед глазами ближайший пример – полное исчезновение уникальной культурной формации хантов, живущих на обской равнине, можно с уверенностью предсказать, что следующим этапом явится не менее быстрое исчезновение всё ещё жизнеспособной смешанной оленеводческой культуры и планируемое наступление на юганскую общину лесных охотников с тем же результатом в ближайшие двадцать лет после нефтяного освоения среднего и верхнего Югана. Без решительных мер по сохранению не только самих культур, но и кормящего их ландшафта эти уникальные культурные формации могут исчезнуть без следа» (Вигет, 2002: 221).

Примерно такая же ситуация, несколько отличная в худшую или лучшую сторону, характерна и для других регионов Сибири как в прошлом, так и в настоящем. Исследовательница этносов Горного Алтая О.А. Гончарова в своей докторской диссертации, посвящённой традиционному и современному состоянию физического здоровья коренных народов, пришла к выводу о том, что, за исключением небольшого периода 1920-х гг., государственная система здравоохранения не удовлетворяет самым необходимым требованиям и является менее эффективной, чем традиционная, разрушенная и признанная иррациональной. Современная система своевременно не среагировала на быстрый рост туберкулеза, инфекционных, онкологических и других заболеваний. Ситуацию усугубляют малодоступность, отдалённость пунктов здравоохранения и оказания помощи. Все это вместе взятое, безусловно, влияет на общую демографическую ситуацию (Гончарова, 2002: 38–40).

Особенно печальная картина, как показывают материалы, сложилась на северо-востоке Сибири и в районах, прилегающих к разного рода испытательным полигонам.

Исследователям хорошо известно, что всякое движение в защиту национальных культур начинается или сопровождается требованиями экологического порядка. Это и понятно: всякая культура как жизнеобеспечивающая система формировалась и воспроизводилась в определенных экологических условиях. Сейчас, в условиях гласности, этнографы имеют непосредственное отношение к этим возрожденческим движениям.

Наряду с положительными чертами социальный статус этнографов несёт в себе отягощающее наследие прошлого. Именно вследствие отсутствия смелости большая их часть принимает за чистую монету мало убедительный аргумент российской власти, позволяющей ей не ратифицировать Женевскую конвенцию № 1169 «О народах, ведущих племенной образ жизни...», подписанную 27 июня 1989 г. в г. Женеве. Суть официальной аргументации заключается в следующем: Россия идёт по пути разработки собственного законодательства, но при этом встаёт вопрос, кто же должен разрабатывать данный законопроект, если не этнографы?

Литература

- Вигет Э.* Экономика и традиционное землепользование восточных хантов // Очерки истории традиционного землепользования. Екатеринбург, 2002.
- Гончарова О.А.* История становления и развития системы здравоохранения в Горном Алтае в XIX–XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2002.
- Мархинин В.В., Удалова И.В.* Межэтнические сообщества в регионах Сибири (по материалам социологической экспедиции в национально смешанные посёлки Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа). Новосибирск, 1996.